

КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

и м. Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Кафедра русского языка

ГОЛУБ И. Б.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМЫ И ИХ ФУНКЦИИ
В СТИХОТВОРНОМ ЯЗЫКЕ К. Н. БАТЮШКОВА

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук.

Научный руководитель — кандидат филологических наук,
доцент Кириченко А. Г.

К III 1391871

КИЕВ—1959

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина



Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде



В истории русского литературного языка большое значение имеет изучение творчества лучших писателей XIX столетия. Внимание языковедов особенно привлекает пушкинская эпоха, определившая развитие литературного языка. Пушкинские преобразования явились завершением исканий предшествующей поры, и поэтому понимание их было бы не полным без изучения достижений предпушкинского периода. Среди предшественников и учителей Пушкина выделяется Константин Николаевич Батюшков, влияние которого на великого поэта было «даже виднее, чем влияние Жуковского»¹.

Творчество Батюшкова отразило прогрессивные тенденции в развитии русской литературы первой четверти XIX в. Его лирика, как и лирика Жуковского, значительно выше и в художественном отношении современной им поэзии. В основе литературной деятельности Батюшкова было сознательное стремление «принести пользу языку нашему». (III, 467).²

При изучении языка поэзии К. Н. Батюшкова принципиально важное значение имеет проблема использования церковнославянского языкового наследия. Церковнославянизмы были составным элементом литературного языка начала XIX в. Однако их место в «новом слоге», к созданию которого стремились передовые писатели, было неясно. Обсуждение роли церковнославянизмов в формировании литературного языка вызвало горячие споры между учениками Карамзина и шишковистами. Батюшков энергично участвовал в этой полемике, выступая против архаистов.

О лингвистических взглядах поэта можно судить по его письмам. Сам Батюшков отделял себя от карамзинистов;

¹)В. Г. Белинский. Полное собр. соч. в 12-и томах. Пгр., 1917, т. XI, ст. «Сочинения Александра Пушкина. Статья третья», стр. 299.

²) При цитации Батюшкова использовано трехтомное собрание его сочинений 1885—87 гг., римской цифрой обозначен том, арабской—номер страницы.

его не удовлетворяла деятельность обеих противоположных группировок. Он осуждал чрезмерное пристрастие к церковнославянизмам, но в противовес полному их отрицанию крайними новаторами выдвинул свой принцип — «соблюсти середину» (III, 47). Использование церковнославянского наследия, по мнению поэта, должно быть продуманным. Он допускает употребление церковнославянизмов в «описательной поэзии», не одобряя их в языке действующих лиц (III, 141). Батюшков считал необходимым ограничение церковнославянизмов в оригинальной русской лирике, оправдывая их в переводах из древней античной литературы (III, 70). Таким образом, употребление церковнославянизмов ставилось в зависимость от художественно-стилистических задач. Эти теоретические положения Батюшкова нашли отражение в его творчестве, в котором церковнославянская лексика получила разностороннее стилистическое применение.

Выработанная Батюшковым манера использования церковнославянизмов имела влияние на современную ему и последующую поэзию. А. С. Пушкин, как замечает Л. А. Булаховский, «по своему пристрастию к церковнославянской языковой стихии определенно ближе к Батюшкову, чем к Жуковскому».¹

Несмотря на свою актуальность, проблема церковнославянизмов в стихотворном языке Батюшкова до сих пор еще не освещена в научной литературе. Автор данного исследования считает своей задачей выделить и охарактеризовать весь состав использованных поэтом церковнославянизмов в лексике, фразеологии, морфологии и синтаксисе. Основным содержанием работы является выяснение стилистических функций церковнославянизмов.

Диссертация состоит из введения и двух разделов:

1. «Состав церковнославянизмов в стихотворном языке К. Н. Батюшкова».
2. «Стилистические функции церковнославянизмов в поэзии К. Н. Батюшкова».

Первый раздел делится на две главы в соответствии с разграничением лексических и грамматических церковнославянизмов. Второй раздел представлен пятью главами, в которых рассматривается стилистическое использование церковнославянизмов в легкой поэзии, переводах из античной лира-

¹) Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX в., т. I, К., 1948, стр. 248.

туры, лиро-эпических элегиях, философской лирике, в сатирических и юмористических произведениях.

* * *

В основу изучения состава церковнославянизмов положена их классификация по фонетическим и грамматическим признакам.

Наиболее значительное место по объему и стилистической выразительности в стихотворном языке Батюшкова занимают лексические церковнославянизмы, представленные словами, не имеющими фонетических и словообразовательных примет, и церковнославянизмами, определяемыми со стороны фонетических признаков.

Особых старославянских показателей не имеет значительное количество слов, отнесенных к семантически разнородной церковнославянской лексике (названия частей человеческого тела: десница, перси, ланиты, чело и др.; названия лица: дева, отрок, пастырь, рыбарь; наименования действия: клик, глагол; места: куца, ложе, сень и т. д.). Эти церковнославянизмы были широко распространены в стихотворном языке начала XIX века. Они воспринимались как «поэтические слова», которым в других стилях соответствовали русские синонимы.

Небольшие лексические группы церковнославянизмов, выделенных по семантическому принципу, составляют: библеизмы и специальная евангельская лексика; названия, связанные с богослужением; церковно-монастырский словарь. В употреблении этих слов особенно ярко отразилась тенденция к утрате церковнославянизмами их религиозного содержания. Большинство из них использовано в тех значениях, которые закрепились за ними в разговорном языке, например:

«Сестра, грешно терять небесно дарованье
В безлюдной стороне». (I, 130).

Смысл таких слов, как рай, ад, суета, святой и под., в поэзии Батюшкова совершенно далек от религиозной морали.

Церковнославянизмы, сохранившие старославянские фонетические черты (неполногласные формы, слова с начальными ра, ла, е вместо о и др.), группируются в соответствии с классификацией проф. Г. О. Винокура¹⁾. Различается три разряда слов: 1) церковнославянизмы, не имеющие в литературном языке русских соответствий; 2) церковнославянизмы, которые дифференцировались в своих значениях от русских

¹⁾ Г. О. Винокур. О славянизмах в современном русском литературном языке. «Русский язык в школе», 1947, № 4.

параллелей; 3) устаревшие церковнославянизмы, которые заменяются в живом языке равнозначными их русскими вариантами. Материал исследования убеждает в том, что стилистически активными могут быть слова I и III (реже II) разрядов. Например, такие церковнославянизмы, как *владыка*, *длань*, *брань* (I разр.) и под., несмотря на отсутствие созвучных русских параллелей, в стихотворениях Батюшкова (а также у Жуковского и А. С. Пушкина) выступают как стилистическое средство. На этом основании в диссертации оспаривается утверждение Г. О. Винокура, будто бы только третий разряд церковнославянизмов находит стилистическое применение.

В стихотворном языке Батюшкова, особенно в его ранней лирике, церковнославянизмы третьего разряда использовались также и в зависимости от условий стихосложения — как удобные для версификации варианты русских слов:

«Я вздохну, и глас мой томный,
Арфы голосу подобной,
Тихо в воздухе умрет». (I, 99).

Подобные «поэтические вольности» отмечены у Жуковского и А. С. Пушкина. В зрелый период творчества Батюшков очень редко обращается к этому приему. В большинстве случаев употребление церковнославянизмов в его поэзии обусловлено стилистически.

Исследование позволяет выделить в стихотворном языке Батюшкова стилистически активный пласт церковнославянской лексики. Сравнение его стихотворений с поэзией его современников показывает, что наш поэт привлекал к разрешению стилистических задач широко распространенные в его время и узаконенные традицией церковнославянские «поэтические слова».

Грамматические церковнославянизмы в языке поэзии Батюшкова представлены морфологическими и синтаксическими категориями.

Среди морфологических церковнославянизмов большую группу составляют слова, сохранившие старославянские элементы в словообразовании. Здесь выделяются церковнославянизмы по их суффиксам (обладатель, омовение, волнующий и т. д.), префиксам (воздвигнуть, сотворить, испытать, низвергнуть и т. д.), а также сложные двухкорневые слова церковно-книжного характера (благоговение, песнопение, правосудный), местоименные и отыменные наречия со старославянскими чертами в образовании (древле, искони, отныне,

окрест). Многие из этих церковнославянизмов (в основном существительные) употребляются как обычные речевые средства, лишенные какой-либо стилистической окраски (свидетель, богатство, восход, благодарить и под.).

Оттенок архаичности, книжности сохраняют лишь те, которые вышли из широкого употребления, уступив место русским синонимам (например: водрузить, благодарение, днесь). Все эти церковнославянизмы, выделенные по словообразовательным приметам, дополняют состав церковнославянской лексики.

В ряду морфологических церковнославянизмов рассматриваются и архаические грамматические формы. Большинство из них известно не только в старославянском языке, но и в древнерусском; подлинные же церковнославянские окончания, усвоенные русским языком, претерпели фонетические изменения, «обрусели». Поэтому название «грамматических церковнославянизмов» в данном случае является условным. Однако представление об отношении поэта к церковнославянскому наследию без анализа архаизмов в грамматике было бы неполным, так как они во времена Батюшкова понимались как результат церковнославянского влияния.

Общее количество устаревших грамматических форм в стихотворном языке Батюшкова незначительно.

В системе именного склонения это такие архаизмы, как «на земли», «мать», «костьми» и под. Из устаревших родовопадежных окончаний полных имен прилагательных употребляются — БЯ, — ИЯ для род. пад. ед. ч. ж. р. («от печали злыя» — I, 26). Отмечено ряд архаических форм глаголов: «не буди», «повеждь», «есмь» и др. Употребление этих архаизмов у Батюшкова обычно стилистически мотивировано: поэт обращается к ним в сатирическом или возвышенном контекстах:

«Я есмь зело славенофил». («Видение на берегах Леты», I, 84);

«Ничто не укротит железныя судьбы».

(«Умиращий Тасс», I, 254).

Продуманное применение этих языковых средств отличает Батюшкова от современных ему писателей. У него нет таких «вольностей», как соединение в одном словосочетании устаревших и новых форм, что встречается, например, в поэзии Жуковского. («Он слабыя, земной руки созданье»).

Гораздо чаще использовал Батюшков грамматические церковнославянизмы, утратившие оттенок архаичности. Среди них — причастия; местоимение «сей»; выступающие в роли определений нечленные формы прилагательных и причастий,

которые в большинстве своем были усечениями (венчанна ж. р. и под.), но, по справедливому замечанию Г. О. Винокура, отождествлялись с краткими формами, «а их атрибутивное употребление считали принадлежностью «словенского языка».¹⁾ Все эти грамматические церковнославянизмы одобрялись поэтическим вкусом XIX в. Батюшков использует их на общих основаниях — как обычные средства стихотворной речи и для облегчения версификации:

«Какой чудесный бог чрез дивные мечты
Рассеял мрачные и нежны красоты?»

(«К Тассу», I, 51).

Старославянское влияние на синтаксис стихотворного языка Батюшкова проявилось в нескольких случаях архаического беспредложного и предложного управления, в особенностях постпозитивного употребления причастий-определений и в использовании старославянских служебных частей речи. Поэтическая речь Батюшкова свободна от архаического порядка слов, устаревших конструкций церковно-книжного типа. Общий состав синтаксических церковнославянизмов узок. В стилистическом отношении они значительно более пассивны, чем лексика. Стилистическое применение находят только служебные слова, но их количество поэт ограничивает четырьмя излюбленными частицами речи (предлоги *во, ко;* союз *почто*, частица *се*).

Таким образом, материал исследования свидетельствует о том, что Батюшков был осторожен в использовании синтаксических церковнославянизмов, стремясь избежать архаизации стихотворного языка.

Церковнославянская фразеология в поэзии Батюшкова представлена фразеологическими сочетаниями («насушный хлеб», «много лета» и др.). Используются они со стилистической установкой, например шишковист Карабанов в «Певце» иронически назван «тельцом упитанным» — I, 172. Количество подобных церковнославянизмов у Батюшкова чрезвычайно узко. В значительной мере это объясняется неудобством употребления фразеологизмов в ритмической стихотворной речи.

Изучение состава церковнославянизмов приводит к следующим выводам. Общая сумма церковнославянских речевых

¹⁾ Г. О. Винокур. Русский литературный язык в первой половине XVIII в., «История русской литературы», изд. АН СССР, М.-Л., 1941, т. III, стр. 76.

средств в стихотворном языке Батюшкова довольно значительна. Наиболее широко представлена церковнославянская лексика. Поэт часто повторяет признанные в его время церковнославянские «поэтические слова». В то же время он стремится к ограничению устаревших, забытых церковнославянских и архаических грамматических форм. Синтаксис его произведений почти совсем свободен от старославянского влияния. Использование церковнославянских языковых элементов в поэзии Батюшкова обусловлено стилистически.

При анализе стилистических функций церковнославянизмов прежде всего учитывается идейно-тематическое содержание произведений, поскольку именно оно определяет стиль

В поэзии Батюшкова выделяется несколько циклов стихотворений, близких по тематике и в жанрово-стилистическом отношении. Своим призванием поэт считал легкую поэзию, то есть анакреонтическую и эпикурейскую лирику. В его творчестве она представлена жанрами элегии, послания, мадригала, романса, эпитафии. Своеобразной разновидностью произведений этого рода являются стихотворения античной тематики, к которым относятся замечательные переводы элегий из Тибулла и греческой антологии. Эти «сладостные» любовные стихи Батюшкова определяют речевой и стилистический колорит его поэзии; однако ими не исчерпывается всё ее содержание. Для лингвистического анализа большой интерес представляют и произведения возвышенной тематики, включающие разработанный Батюшковым новый жанр лиро-эпической элегии, в котором написаны «Умирающий Тасс», «Элегия на развалинах замка в Швеции», «Переход русских войск через Рейн» и др. В стилистическом отношении к ним близки переводы двух песен из «Освобожденного Иерусалима» с посланием «К Тассу» и «Отрывок из Шиллеровой трагедии», представляющие ранние опыты Батюшкова в области возвышенной лирики. В период разочарований, так называемого душевного кризиса, поэт написал ряд философско-религиозных стихотворений, выделяемых также в отдельную группу на основании особенностей их языка и стиля. Лучшие из них — «Надежда», «К другу», «Воспоминания». Наконец, особого внимания заслуживают сатирические произведения Батюшкова «Видение на берегах Леты» и «Певец в Беседе Славянороссов», отразившие задорные настроения молодых литераторов карамзинского лагеря.

Батюшков придавал большое значение легкой поэзии, требующей, по его мнению, особенно тщательной отделки языка. Он достиг значительных успехов в совершенствовании

языка и стиля этих жанров. В то же время здесь особенно ярко отразились и искания поэта, что позволяет проследить становление его творческого метода.

Начало литературной деятельности Батюшкова ознаменовано настойчивым стремлением избежать употребления церковнославянизмов в легких стихотворениях, которым он безраздельно посвятил первые годы своего творчества. Несмотря на любовную тематику, в его ранней лирике совершенно отсутствуют такие традиционные церковнославянизмы, как **очи, уста, лобзать, младость** и под., при обилии слов с полногласием. Устаревшие слова и формы встречаются редко и только — как «поэтическая вольность»:

«А счастье лишь там живет,
Где нас безумных нет».

(«Послание к Гнедичу», 1,25).

Лучшие стихотворения раннего периода совершенно свободны от церковнославянизмов.

Однако такое отрицательное отношение молодого Батюшкова к церковнославянской лексике было временным; оно объясняется влиянием карамзинских идей. В конце первого десятилетия XIX века меняются творческие установки поэта: он примыкает к направлению романтизма, избирая жанр элегии.

В период 1808—1810 г. г. обновляется лексическая структура интимной лирики Батюшкова. Наряду с расширением сферы разговорной лексики он частично привлекает и традиционный поэтический церковнославянский словарь.

В соответствии с новыми взглядами поэт перерабатывает некоторые свои юношеские произведения. Интересные данные дает сопоставление двух редакций стихотворения «Веселый час». Язык первого варианта, озаглавленного «Совет друзьям» (1805 г.), свободен от церковнославянизмов. В редакции же 1810 года это стихотворение отличается заметной славянизацией речи. Показательно, что это произведение является своеобразным повторением известного стихотворения Карамзина «Веселый час». Первая редакция значительно ближе в отношении языка к карамзинскому тексту. Исправлениями, внесенными во второй вариант, Батюшков как бы отграничил свой вкус от позиции Карамзина.

С 1810 года определяется характерная Батюшкову манера стилистического использования церковнославянизмов в легкой поэзии. Их применение основано на строгом отборе слов, обусловленных анакреонтической тематикой (власы, перси, ланиты, уста, вкушать и т. д.). Эта лексическая струя выделяется от-

сутствием книжно-архаической окраски и особой, «сладостной» экспрессией.

Сравнение словаря любовной лирики Батюшкова с лексикой аналогичных стихотворений поэтов-сентименталистов показывает, что у Карамзина и, особенно, Дмитриева отчетливо чувствуется стремление к опрощению церковнославянизмов, обусловленных любовной тематикой. Случаи использования их у Карамзина единичны. Дмитриев настойчиво употребляет только русские слова: глаза, волосы, целовать и под. Батюшкова, напротив, отличает постоянное обращение к церковнославянизмам и привлечение их к созданию приподнятого, эмоционально яркого звучания речи:

«Голос твой, Зафна, в душе отозвался;
Вижу улыбку и радость в очах!
Дева любви, я к тебе прикасался,
С медом пил розы на влажных устах!»
(«Источник», 1810 г., I, 115—116).

Подобное употребление церковнославянизмов отмечено в интимной лирике Рылеева, Полежаева, Давыдова.

Экспрессия церковнославянской лексики в легкой поэзии совершенно обновляется, сливается с настроением самой этой поэзии, утрачивая при этом традиционное риторическое звучание. Многие церковнославянизмы Батюшков употребляет в их бытовом понимании, как они закрепились в живом языке:

«Клянуся честью и усами
Любви не изменить!» («Разлука», I, 181).

В ранних стихотворениях имеют место и случаи переосмысления церковнославянизмов. Так, слово «познал» несколько раз употреблено в значении «узнал»:

«Я видел, я познал небесные черты
Богини красоты».
(«Стихи Семеновой», I, 69).

Поэт свободно включает церковнославянизмы в систему разнообразных речевых средств наравне с европеизмами и чисто разговорными выражениями:

«Увы, мой друг, я в дни молодые
Цирцеям также отслужил,
В карманы заглянул пустые,
Покинул мирт и меч сложил».
(«Ответ Гнедичу», I, 67).

Особенно типично для Батюшкова смешение церковнославянской и греко-римской символики и образности, которое порой доходит до смешного, например:

**«Сей огонь зиждительный, дар бога драгоценный,
От юности в душе небесного залог,
Которым Фебов жрец исполнен, как пророк».**

(«Послание Муравьеву-Апостолу», I, 204).

Подобное сплетение церковнославянизмов с античностью, очень распространенное во времена Батюшкова, нашло отражение даже в поэзии А. С. Пушкина. Соединение разнородных речевых элементов свидетельствует о светском осмыслении церковнославянизмов, так как они в этом случае приравниваются к другим средствам художественной выразительности.

Характерной особенностью стиля легкой поэзии Батюшкова является метафорическое переосмысление церковнославянской лексики, которое также ведет к полному устранению ее религиозной окраски, например:

**«Наперсник муз, — познал от колыбельных дней,
Что должен быть жрецом парнасских алтарей».**

(«Послание Муравьеву-Апостолу», I, 203).

Иногда поэт шутовски цитирует и даже пародирует известные из церковной литературы выражения. Так, в веселом послании «К Жуковскому» насмешка легкомысленной кокетки над увядающим юношей передается церковнославянским фразеологизмом:

«Усопший, мир с тобою!» (I, 147).

В стихотворении «К Маше» Батюшков пародирует обращение архангела Михаила к святой Марии, противопоставляя религиозному аскетизму свое жизнеутверждающее мировоззрение.

Все эти особенности стилистического использования церковнославянизмов в легкой поэзии Батюшкова свидетельствуют о новом его подходе к применению традиционных средств литературного языка.

Однако, видимо, такое решение проблемы церковнославянизмов не вполне удовлетворяло поэта. В поздний период творчества он делает новый шаг к преобразованию языка легких жанров. Ряд стихотворений 1817 — 18 г.г. выделяется совершенным отсутствием церковнославянизмов.

Особое внимание привлекает обнаруженное нами не известное до сих пор стихотворение Батюшкова «У Волги ре-

ченьки...». Язык его, свободный от церковнославянизмов, построен на материале народно-поэтической лексики (реченька, кручинушка, родимая сторона, пташки, путем-дорогою, в лесах дремучих). находка этого в высшей степени оригинального для лирики нашего поэта стихотворения разрушает утвердившийся узкий взгляд на Батюшкова как на утонченного певца любви, оторвавшегося от национальной почвы и целиком отдавшего себя во власть обаяния античного мира. Однако это произведение было не окончено, и намеченные в нем новые для Батюшкова черты не получили дальнейшего развития в его творчестве. В отношении к церковнославянизмам поэт остался верен своему принципу «середины».

Творчество Батюшкова отразило большую любовь его к античной древности. В диссертации оспаривается существующее мнение, будто бы поэта привлекала только внешняя форма античности—ее образность, символика и что при этом он совершенно далек был от стремления передать специфику жизни древних греков и римлян.¹ Интерес Батюшкова к античному миру далеко выходил за пределы простой «моды», свойственной французской поэзии конца XVIII в. Убедительным доказательством этому являются найденные нами не известные до сих пор рукописные тексты поэта, которые раскрывают большой, упорный труд над изучением античной истории и мифологии. Здесь читаем написанные рукой Батюшкова подробные описания различных сторон жизни древних, их обрядов и обычаев. Такое серьезное, вдумчивое изучение мира классической древности явилось основой для верного отражения античного колорита в «Тибулловых элегиях», «подражаниях древним», «греческой антологии» и оригинальных произведениях античной тематики. Свойственная им яркость и живость картин, изображающих пиршества, обрядность, верования древних греков и римлян, во многом зависит от искусного подбора лексики и удачного использования церковнославянских слов, которые здесь подвергаются особому переосмыслению и наполняются новым, «античным» содержанием.

В рассматриваемых стихотворениях с помощью церковнославянизмов показываются быт и обычаи античных народов. Батюшков часто употребляет такие слова, как кошница,

¹) См., например, замечание Н. Н. Булича в его «Очерках по истории русской литературы и просвещения с нач. XIX в.», т. II, СПб. 1905, стр. 85.

сосуд, чаша, брашно, пиршество, храмина, куша. Старинные слова наиболее полно и точно отражают колорит античности,

«Когда на пиршествах стоял сосуд святой
Из буковой коры меж утвари простой,
И стол был отягчен избытком сельских брашен...»
(«Тибуллова элегия X», I, 101).

Сопоставление стихотворений античной тематики Батюшкова с переводом «Одиссеи» Жуковского выявляет значительные различия в подборе лексики обоими поэтами. У Жуковского жизнь древних изображается с помощью общедоступных выражений, утвердившихся в русском быту, например «пиршество» называется «обедом» и «угощением», даже «собранием». Церковнославянизмы в подобных случаях более соответствуют стилю произведений, что вполне оправдывает их употребление Батюшковым.

Большим успехом поэта является изображение языческих представлений и верований с помощью церковнославянской лексики, которая при этом соответственно переосмысливается, например:

«...священный лик домашнего пената
Еще скудельный был на пепелище их!»
(«Тибуллова элегия X», I, 102).

Особенно ярки созданные Батюшковым с помощью церковнославянской лексики картины языческой обрядности:

«Спасите ж вы меня, отеческие боги,
От копий, от мечей! Вам дар несу убогий—
Кошницу полную Церериных даров,
А в жертву — сей овен, краса моих лугов.
Я сам, увенчанный и в ризы облеченный,
Явлюсь на утрие пред ваш алтарь священный».
(«Тибуллова элегия X», I, 102).

Такое переосмысление церковнославянизмов применительно к идеологии древних вполне приемлемо, что в значительной мере объясняется общностью ряда терминов христианской и языческой религий. К тому же Батюшков соединяет церковнославянизмы со словами, специфическими для изображения картин древнего мира, и эта специальная лексика как бы «передает» церковнославянизмам свою античную окраску:

«А брат гостей назвал
И жертву воскурил пред отчими богами».
(«Странствователь и домосед», I, 218).

Как видно из этого же примера, церковнославянизмы, обусловленные темой языческой религии, употребляются в таких произведениях не в переносном смысле (как это было в легкой поэзии), а в прямом, в чем и заключается секрет их реалистического звучания.

Для создания впечатления древности описываемых событий поэт прибегает к архаизации языка; в этих произведениях круг устаревших слов и форм значительно шире, чем в легкой поэзии:

«Везде за трапезой чужою,
Наш странник обходил поля, селения и грады...
...Спеша из края в край, он игры посещал,
Забавы, зрелища, ристанья
И даже прорицанья
Без веры вопрошал...»

(«Странствователь и домосед», I, 218).

Наконец, важной особенностью стиля рассматриваемых стихотворений является возвышенное звучание церковнославянской лексики:

«Омир, возвыся глас, воспел народов брани»...

(«Гезиод и Омир соперники», I, 250).

Применение высоких церковнославянизмов отмечено также в переводах из античной литературы Жуковского и Гнедича. Торжественность языка была в то время важным требованием к произведениям подобного рода.

Такое своеобразие стилистических функций церковнославянизмов является отличительной особенностью стиля стихотворений античной тематики. Вместе с тем в них повторяются и церковнославянские языковые средства, свойственные легкой поэзии, к которой очень близки эти произведения. В тонком подходе Батюшкова к стилистическому использованию в них церковнославянизмов проявилась большая требовательность его к языку легких жанров.

Много труда, вдохновения посвятил поэт и разработке серьезной, большой тематики. Его ранние переводы Торквато Тассо, отрывка из трагедии Шиллера и замечательные лиро-эпические элегии характеризуются единым планом стилистического применения церковнославянизмов, которые здесь создают торжественно-приподнятое звучание речи. Как свидетельствуют неопубликованные заметки, записи Батюшкова, он с большим интересом изучал церковную литературу, считая ее образцом высокого слога. Стилистические исправления поэта в его рукописях дают основания утверждать, что он со-

знательно стремился к славянизации языка этих произведений, видя в этом определенную стилистическую необходимость. Однако слог возвышенной лирики Батюшкова неправильно было бы отождествлять с «высоким стилем» поэтики классицизма, хотя их преемственность несомненна, в чем убеждает сам факт использования церковнославянизмов. В высоких жанрах классицизма церковнославянская лексика была простым средством украшения речи. В условиях же новой литературы XIX в. с ее стремлением выработать единый общелитературный язык церковнославянизмы стали выполнять более сложные функции, выступая как художественно-стилистическое средство передачи возвышенного настроения в особых тематических контекстах, независимо от жанра. Перед писателем встала задача стилистической активизации церковнославянских элементов, которая требовала определенного новаторства и творческой инициативы.

Основным условием использования церковнославянизмов в рассматриваемом цикле произведений является отбор ярких, выразительных слов, закрепивших за собой высокое значение (брань, ратник, владыка, святыня, воспеть и под.). Наряду с церковнославянизмами используются и древнерусские слова (дружина, стяг, секира и т. д.).

На материале церковнославянской лексики Батюшков создает художественные сравнения, метафоры, что усиливает эмоциональную выразительность речи:

«Он может опочить на лоне светлой славы»...

(«К Тассу», I, 53).

Высокие, яркие церковнославянские слова поэт окружает славянизированным лексическим фоном, употребляя с этой целью такие языковые элементы, которым непосредственно не свойственно возвышенное звучание, но которые выделяются своей архаичностью. Среди них ряд глаголов (прियाсть, подъять и под.), наречия (доселе, внезапно и др.), местоимения (кой, оный). Все они являются простым средством архаизации и употребляются для того, чтобы язык произведений героической тематики, насыщенный высокой церковнославянской лексикой, воспринимался как единое гармоническое целое.

Характерной чертой творческого метода Батюшкова является и стремление нагрузить высокую церковнославянскую лексику дополнительными стилистическими функциями. Так, в исторических элегиях церковнославянизмы привлекаются для передачи древнего колорита:

«...Там скальды пели брань, и персты их летали
По пламенным струнам...
Там старцы жадный слух склоняли к песне сей,
Сосуды полные в десницах их дрожали...»

(«На развалинах замка в Швеции», I, 192).

В стихотворениях об Отечественной войне 1812 г., проникнутых чувством глубокой любви к родине, церковнославянская лексика, наряду с древнерусизмами, используется как главное средство создания национально-патриотического пофоса речи:

«И час судьбы настал! Мы здесь, сыны снегов...
..Стеклись, нагрянули за честь твоих граждан,
За честь твердынь и сел, и нив опустошенных,
И берегов благословенных...»

(«Переход через Рейн», I, 178).

Сопоставление этих стихотворений с гражданской лирикой поэтов-декабристов показывает, что Батюшков использовал церковнославянизмы в том направлении, которое впоследствии было избрано Рылевым, Кюхельбекером, Раевским и др.

Многогранное стилистическое применение церковнославянизмов в рассмотренных произведениях свидетельствует о мастерстве поэта. Вместе с тем нельзя не отметить чрезмерной архаичности, тяжеловесности языка возвышенной лирики Батюшкова, что объясняется сложностью проблемы приспособления высокой церковнославянской лексики к разрешению стилистических задач новой поэзии.

К рассмотренной группе произведений Батюшкова близка его философско-религиозная лирика. Несмотря на то, что ей принадлежит незначительное место, стилистическое использование в ней церковнославянизмов вызывает особый интерес.

В первую очередь обращает на себя внимание подбор лексики церковно-библейского содержания, с помощью которой поэт мастерски передает религиозные настроения разочарованного лирического героя:

«Так все здесь суетно в обители сует...»

(«К другу», I, 237).

Для создания художественных образов и метафор Батюшков привлекает библейскую символику и слова церковно-культовой обрядности:

«Я с страхом спросил глас совести моей...

И мрак исчез, прозрели вежды,

И вера пролила спасительный елей

В лампаду чистую надежды...» («К другу», I, 237).

Отличительной чертой произведений религиозной тематики является употребление церковнославянских слов без стилистической установки — в зависимости от потребностей контекста.

Церковно-религиозный колорит речи углубляется славянизацией лексического фона и архаизацией грамматики. В стихотворении «Надежда» применено библейское построение периода, состоящего из цепи вопросительных предложений. Сопоставление данной синтаксической конструкции с аналогичными примерами из поэзии Ломоносова, Пнина и Пушкина приводит к выводу о широком распространении этого стилистического приема в стихотворениях религиозной тематики.

Наиболее оригинальное стилистическое применение получили церковнославянизмы в сатирических и юмористических произведениях Батюшкова, в которых употребление высокой лексики явилось важнейшим средством иронии. Поэт вводит церковнославянскую лексику в сферу новых речевых стилей, новой символики и образности, что резко противоречило славянофильскому пониманию роли церковнославянского языкового наследия.

Необходимым условием иронического переосмысления церковнославянизмов является шуточный тон речи, свойственный «Видению на берегах Леты» и пародии «Певец в Беседе Славяноруссов». Благодаря комизму содержания, нарочито тождественные, славянизированные стихи звучат насмешливо-иронически:

**«Сей Кубок мщенью! Други, в строй
И мигом перья в длани!
Сразить иль пасть — наш роковой
Обет в чернильной брани.»**

(«Певец», I, 174).

Характерной особенностью стиля сатирических произведений является смешение церковнославянской лексики со словами живого разговорного языка, с просторечием:

**«Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!...
..Их вишни сгнили в кладовых
Иль съедены мышами,
Иль продают на рынке в них
Салакушку с сельдями.
Но дух отцов воскрес в сынах..»**

(«Певец», 167—168).

В качестве речевых средств сатиры используются церковнославянизмы вперемешку с бранной лексикой:

«Телец, упитанный у нас,
О ты, болван болванов».

(«Певец», I, 172).

Ироническое звучание церковнославянизмов в этих случаях обусловлено контрастом в стилистической окраске речевого фона и экспрессии отдельных слов.

Излюбленным приемом Батюшкова является пародирование высокопарной «славянщизны». Такова речевая характеристика ТрEDIAKовского, который приветствовал Шишкова возвышенной декламацией

«И рек: В мужех умом не скудной,
Обретший редки красоты
И смысл в моей Деидамии,
Се ты, се ты!»

(«Видение», I, 84).

При осмеянии персонажей «Видения» и «Певца» церковнославянская лексика подвергается каламбурно-ироническому переосмыслению. Так, писатель-шишковист Шихматов, который выступал против употребления глагольных рифм, назван «безглагольным» (I, 172). Поэт Бобров в «Видении» говорит о себе:

«Я виноносный гений» (I, 82).

Осмеиваемые поэты развенчиваются посредством снижения их излюбленных высоких выражений и цитации славянизированных отрывков из их произведений. Мерзляков сообщает:

«...Я здесь; сего бо хочет бог
И долг священныя природы...»

(«Видение», I, 79).

Эта фраза, взятая из его сочинения «Тень Кука», своей архаичностью придает речи комическую пестроту, способствуя осмеянию говорящего.

Одним из стилистических средств сатиры является насмешливое окружение ореолом торжественности незначительных предметов и явлений, что достигается присвоением им церковнославянских наименований или определений. Такова, например, оценка принесенных на суд Миноса сочинений в «Видении». Батюшков называет их «творениями», покрытыми «священной пылью».

Все эти способы иронического переосмысления церковнославянизмов совершенно снимают с них библейский, церков-

но-религиозный налет и развенчивают торжественно-возвышенное звучание высокой лексики.

Сатирические произведения Батюшкова были восторженно встречены современниками и получили живой отклик в передовой поэзии первого двадцатилетия XIX в. Разработанные в них стилистические приемы иронического переосмысления церковнославянизмов широко применялись в пародиях на шишковистов. Особенно сильное влияние сатирического стиля Батюшкова отмечено в поэме П. А. Вяземского No61, в «Разговоре в царстве мертвых» А. Измайлова, в «Венчании Шутовского» Д. Дашкова.

Анализ стилистических функций церковнославянизмов позволяет сделать следующие выводы. Батюшков использовал церковнославянскую лексику как стилистическое средство в самых разнообразных жанрах и контекстах. В его стихотворном языке отразился интереснейший процесс становления стилистических значений церковнославянских слов и различных экспрессивных оттенков в их звучании. Многие намеченные в стихотворениях Батюшкова стилистические приемы использования церковнославянизмов получили дальнейшее развитие в русской поэзии первой трети XIX в.

В заключение надо сказать, что творчество Батюшкова отразило передовые тенденции в развитии языка русской поэзии. Довольно широкое употребление поэтом церковнославянской лексики при весьма ограниченном использовании грамматических архаизмов соответствовало объективным закономерностям развития русского литературного языка — синтезу разнородных лексических пластов и приближению грамматического строя к нормам разговорного языка. В то же время стремление поэта нагрузить церковнославянскую лексику стилистическими функциями отразило другую сторону литературно-языкового процесса — стилистическую дифференциацию речевых средств и уход значительной части церковнославянизмов в стилистический резерв литературного языка.

Именно стилистический подход Батюшкова к церковнославянскому языковому наследию позволяет нам говорить о правильном для того исторического периода решении проблемы церковнославянизмов.

* * *

Содержание диссертации отражено в опубликованных статьях:

1. «Стилистическое использование церковнославянизмов как средства иронии и сатиры в поэзии К. Н. Батюшкова».

Киевский государственный педагогический институт им. А. М. Горького, Ученые записки, том, XXVI, К., 1957 г.

2. «Использование К. Н. Батюшковым церковнославянизмов и архаизмов, как средства передачи возвышенного настроения», Новозыбковский государственный педагогический институт, Ученые записки, том IV, 1958 г.

3. «Языковые особенности лирики К. Н. Батюшкова», Новозыбковский государственный педагогический институт, 1958 г.

4. «Неизвестное стихотворение К. Н. Батюшкова», ж. «Русская литература» № 4, 1958 г., изд. АН СССР, Л.
